

Л.А. Болокина

Негативные настроения жителей Калининской области накануне Великой Отечественной войны

Ключевые слова: коллективизация, колхозы, коммунисты, общественные настроения, налоги.

Key words: collectivization, collective farms, communists, community spirits, tax system.

Исследовательский интерес к теме массовых настроений накануне и в период Великой Отечественной войны не угасает на протяжении десятилетий. Однако различные аспекты указанной темы освещены неравномерно. Так, достаточно глубоко разработан вопрос о воздействии официальной пропаганды на сознание советских граждан в указанный период. Подробный анализ влияния власти на формирование общественного сознания в 1934–1941 гг. содержит исследование П.Б. Гречухина [1]. В работах В.А. Невежина показан генезис системы пропаганды в СССР перед началом Великой Отечественной войны [2–3]. Требуют дополнительного рассмотрения групповые и индивидуальные настроения. За последние годы вышел ряд отдельных статей, посвященных этому вопросу [4–6]. Общественные настроения и представления о будущей войне, присутствовавшие у граждан СССР в 1930–1941 гг., рассматриваются в диссертационных исследованиях О.В. Дружбы, И.Ю. Моисеевой [7–8].

Все же с должной полнотой вопрос еще не изучен. Целью данной статьи является освещение общественных настроений жителей Калининской области в 1939 – начале 1941 г. на основе новых неопубликованных архивных источников: документов партийных архивов (протоколов собраний, отчетов, информации о политических настроениях), дневников, а также материалов уголовно-следственных дел, большинство из которых заведено по печально известной 58-й статье Уголовного кодекса СССР, действовавшего в 1930-х гг. Внимание сосредоточено на негативных настроениях, так как иные были широко представлены в советской историографии.

Калининская область была образована постановлением ВЦИК от 29 января 1935 г. К тому времени в ее состав вошли районы из Западной, Ленинградской и Московской областей. К 1939 г. в области проживало около трех с половиной миллионов человек. Доля городского населения – 24%, сельского – 76% [9, с. 103]. Очевидно, что в структуре населения преобладали носители традиционного крестьянского сознания, так как значительную часть рабочих и служащих составляли выходцы из деревни. Это обстоятельство во многом предопределяло общественные настроения на данной территории. Несмотря на мощное про-

пагандистское давление со стороны власти, которое испытывали советские граждане, их действительные настроения далеко не исчерпывались одобрением социально-экономических преобразований в СССР, прославлявшихся в средствах массовой информации и выступлениях партийных ораторов. Основной причиной недостаточной эффективности пропаганды являлось несоответствие между газетными материалами, речами и реальными условиями жизни большей части населения.

Недоверие к официальным источникам информации отражает высказывание колхозника из Калининской области, зафиксированное в 1939 г.: «Что мне ваши газеты [...] правды в них ничего нет. Все сущая ложь. В газетах пишут, что у нас в колхозах хорошо, всего много, а на самом деле колхозник чуть с голоду не подыхает, а одежда на нем – кругом ветер ходит» [10, л. 49]. Недовольство советской властью существовало в разных социальных группах. Любопытно отметить, что критика установившихся порядков нередко звучала среди рабочих, от имени которых действовала власть. Они были недовольны бытовыми условиями, низкой оплатой труда, нехваткой продуктов питания и промышленных товаров.

Часто советский режим сопоставляли с царским, обнаруживая их общие недостатки, в числе которых назывались отсутствие порядка, социальная несправедливость и неэффективное руководство. В 1939 г., во время войны с Финляндией, 45-летний рабочий заметил: «Как раньше офицерство ездило в ... (неразборчиво. – Л.Б.) вагонах, а солдаты в телячьих, так и теперь...» [11, л. 24]. Иные даже утверждали, что при царе рабочим жилось лучше, было все дешевле и заработной платы хватало на нужные товары, а теперь достать ничего нельзя, очереди, «вместо продуктов только и пичкают политикой, насажали разных начальников, а из-за них рабочим жрать нечего» [12, л. 17]. Так рассуждал в мае 1941 г. рабочий фабрики имени Вагжанова в Калининске. Как и многие другие, он придерживался мнения, что раз государство ему не помогает, то и он не должен, к примеру, подписываться на заем. О наличии социальной напряженности в обществе говорит следующее высказывание. В марте 1941 г. 37-летний рабочий, услышав о премировании правительством работников искусств, выразил возмущение несправедливой оценкой труда рабочего по сравнению с деятелями культуры: тем, кто получает тысячи, тем дают еще по 50 и по 100 тысяч рублей,

а рабочие получают по 150 рублей и ходят разутые, раздетые и полуголодные. К тому же рабочим «вручают» заем [13, л. 15об.]. Как видим, далеко не все рабочие были согласны с тем, что в строившемся социалистическом государстве интересы их класса оставались приоритетными для власти.

Негативную реакцию у части населения вызвал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Когда летом того же года учителю из Кировского района Калининской области отказали в праве переезда на другое место жительства, сославшись на указ, он выразил свое возмущение тем, что назвал закон «до некоторой степени закрепощением» [14, л. 11об.]. Данную оценку нельзя считать единичной, так как в источниках встречаются и прямые сравнения коммунистов с помещиками и капиталистами, угнетавшими народ до революции. При этом название ВКП(б) расшифровывали как «второе крепостное право большевиков», буквально задушившее население непосильными налогами [15, л. 26об.]. Отрицательное отношение к членам партии выявляла и народная трактовка названия ВКП(б) как «все коммунисты подлецы и ...» [15, л. 60].

В адрес власти звучали обвинения в том, что, нуждаясь в бесплатной рабочей силе, ее правительство «изыскивало» внутренние резервы неприемлемыми методами. В качестве примера указывали на предмет гордости страны – канал Москва–Волга, построенный «на людских костях», а также другие стройки социализма [15, л. 32]. Изучение источников показывает, что отношение к коллективизации в разных слоях общества было неоднозначным и часто отрицательным. Многими она воспринималась как очередная попытка советской власти решить свои проблемы за счет крестьян, обобрать их, прикрываясь громкими фразами о преимуществах жизни в коллективных хозяйствах. Как правило, критические суждения в адрес колхозных порядков звучали от людей среднего и пожилого возраста, выражавших недовольство бесхозяйственностью, низкой организацией труда и пренебрежительным отношением к общему имуществу в колхозах.

Рост числа недовольных среди колхозников мог быть обусловлен различными обстоятельствами, в том числе конкретной обстановкой на местах. Так, в колхозах Ржевского района осенью 1939 г. сложилась следующая ситуация. Уборочно-заготовительные работы шли со значительным отставанием, из-за чего весь картофель замерз и был пригоден только на корм скоту. Лен оставался под снегом, а зерно, убранное с полей, было не обмолочено. В результате сельские жители находились в подавленном настроении, рассуждая о том, что получать в колхозах нечего, хотя трудодней выработано много. В то же время стои-

мость продуктов высока, да и достать их невозможно. Описывая свою жизнь, люди отмечали: «Мы живем, но жизнь наша тусклая. У нас в лавках нет ничего, только поутру можно получить одну буханку хлеба. Сахару нет, чаю мы не пьем с тех пор, как взяли всех мужчин в мобилизацию» [10, л. 45–46]. Многие вынуждены были избавляться от коров не только по причине нехватки корма, но и из-за высоких налогов. Председатель одного из колхозов в присутствии более десятка человек рассуждал о сложившемся бедственном положении и вообще политике государства по отношению к деревне: «Только хватит сдать налог, сами останемся так. Ведь с чего только налог ни берется: с мяса отдай, с хлеба отдай, а колхознику – ничего. Сами за центнер хлеба платят нам очень дешево, а продают в несколько раз дороже. Вот был трактор, взяли в армию, 14 человек мобилизовали из колхоза, а кто будет работать?» [10, л. 48].

Источники сохранили многочисленные свидетельства о том, насколько несправедливой казалась людям существовавшая налоговая система. Население воспринимало налоги как очень тяжелое, временами непосильное бремя. Резкую оценку колхозной системы содержали некоторые анекдоты вроде того, в котором якобы страдающему педикулезом Сталину прописывается в качестве лечения обвести мелом (иногда – химическим карандашом) беспокоящий участок тела и написать «колхоз»; после такой процедуры вши должны непременно убежать [16, л. 88об., 90об.]. Название МТС (машинно-тракторная станция) расшифровывали как «могила товарищу Сталину», воспринимая их повсеместное распространение как непродуманное начинание [16, л. 14об., 86об.]. Таким образом, можно утверждать, что, получив опыт проживания в рамках коллективных хозяйств, немалая часть крестьян оказывалась разочарованной.

Касаясь вопроса об отношении населения к руководителям советского государства, следует заметить, что, несмотря на бесконечные доказательства любви и преданности народа своим вождям, демонстрируемые прессой, истинное мнение калининцев о правителях не было столь однозначным и позитивным. Очевидно, что люди не оставляли без внимания изменения, происходившие в высших эшелонах власти. Однако в силу недостатка официальной информации и недоверия к ней порой выдвигались самые неожиданные версии. Например, недоумение и беспокойство вызвало освобождение В.М. Молотова от обязанностей Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. В разговорах среди рабочих прозвучало: «Молотова сегодня выгнали, а завтра Сталина выгонят» [13, л. 15 (об.)]. Нагнетание подозрительности и шпиономании в стране отразилось и на отношении рядовых граждан к первым лицам государства, среди которых тоже пытались обнаружить вражеских агентов. Доходило до предположений о том, что «Гитлер является

диктатором Советского Правительства» [15, л. 23–24]. «Доказательством» служила поездка В.М. Молотова в Берлин, когда якобы Гитлер заявил о потребности в лесе для Германии. Вернувшись в Москву, Молотов сразу же издал постановление о трудгужповинности на лесозаготовках, и это «подтверждало» версию о существовании предателей в самых верхних структурах управления. Образы конкретных руководителей, сложившиеся в сознании калининцев, в яркой форме передают анекдоты того времени. В частности, источники позволяют проследить, какими чертами жители области наделяли своего земляка М.И. Калинина. Видимую простоватость «всесоюзного старосты», под которой на деле просматривается мужицкая хитрость, выявляли шутки о его упорном желании омолодиться, а также описания якобы имевшего место такого случая. Женщина побывала в цирке, и ей понравились фокусники. Из дома она позвонила в цирк, чтобы узнать, приедут ли они вновь. По ошибке ее соединили с ВЦИК, трубку взял Калинин, и она спросила, когда будет выступать человек, который обманывает людей (забыв слово фокусник). Услышав вопрос, Калинин позвал Сталина: «Иосиф, иди объяснись с женщиной, это тебя касается» [16, л. 14об., 86, 89]. Сообразительность уроженца Тверского края иллюстрировала история о приеме иностранного представителя с супругой. Заметив на платье у гости белую нитку, Калинин потянул и смотал ее в клубок. На следующий день иностранец восхищался ловкостью русских, рассказывая, как у жены среди дня сняли трико. Тогда Калинин отдал клубок, пояснив, что это трико в разобранном виде и добавил, что ГПУ у нас работает еще чище [16, л. 8боб.].

Героями такого рода анекдотов становились Куйбышев, Ворошилов, Керенский и другие известные личности, однако среди них особняком стоят высказывания о Троцком. Анализ их содержания приводит к мысли о том, что именно он воспринимался народным сознанием как настоящий равноценный оппонент Сталина. В частности, об этом свидетельствуют существовавшие расшифровки слова «совет», чаще в виде ненормативной лексики. Смысл их так или иначе сводился к тому, что в противоборстве Сталина и Троцкого верх одерживает либо один либо другой [15, л. 60].

В рассматриваемый период в связи с событиями в Польше и изменениями в отношениях с Германией повысилось внимание общества к вопросам внешней политики. Так, дневниковые записи студента из Калининской области Федора Мартынова, обучавшегося в одном из московских вузов, свидетельствуют о том, что в 1939 г. в студенческой среде обнаружился большой интерес к международным делам. Анализ содержания дискуссий показывает восприимчивость молодых людей к идеям официальной пропаганды. Это видно из образного описания сложившейся в мире ситуации глазами автора дневника: «Германия играет

горящим факелом у куч динамита [...] Англия [...] с брандбойдом – или показывает себя в этой позе пожарника [...] Малые страны дрожат [...] СССР стоит с винтовкой в руках, на все готовое, несокрушимое, уверенное в победе социализма в тех – дрожащих и огнем играющих странах» [17, л. 81об.]. Весной 1939 г. Федор часто пишет о неизбежности войны и даже прогнозирует ее начало летом того же года. Размышляя о позиции СССР, он предполагает, что сначала страна будет в роли зрителя, «чтобы потом выступить на стороне Германии, Италии, Англии, Франции и др., но на стороне пролетариата» [17, л. 119]. Когда нападение на Польшу состоялось, в комнате общежития, где жил Федор, шли «бурные дебаты о будущих судьбах мира». Прежде всего спорили по трем вопросам: победит или проиграет Германия, как сложатся отношения СССР с Польшей и Германией и какова должна быть теперь тактика коммунистических партий в разных странах. Заново оценивая советско-германский договор, студенты приходили к выводу, что заключен он вовремя. Но тут же следовало сомнение: «... не предательство ли это польского народа? Ведь Германия едва ли посмела напасть на Польшу, если б видела за ее спиной мощный союз!» [17, л. 145 об.]. С предположением о возможности трансформации военных действий в революции в Западной Европе, которые освободили бы рабочий класс, связаны долгие споры о тактиках компартий в отношении к войне, сводившимся к трем видам – победа, поражение, нейтралитет. По сути, рассуждения сводились к вопросу «может ли национальный интерес преобладать над классовым?»

Интерес к событиям в других странах проявляли не только молодые люди. Судя по отчетам Ржевского РК ВКП(б), значительная часть вопросов, заданных жителями данного района Калининской области после прослушивания докладов и лекций в сентябре–октябре 1939 г., касалась сюжетов, связанных с международными отношениями. Людей интересовало, какова позиция Англии и Франции по заявлению СССР и Германии, будет ли существовать Польша далее как самостоятельное государство, вспоминали даже Версальский договор [10, л. 14–15]. По-разному люди восприняли присоединение к СССР территорий Западной Украины и Западной Белоруссии. Отношение молодежи и старшего поколения иллюстрирует реакция на радиопередачу о митинге во Львове 4 октября 1939 г. Так, Ф. Мартынов в тот день написал в дневнике, что «Хрущев очень ясно выразил дальнейшую судьбу этих экс-польских владений: они будут цвести под алым флагом Конституции СССР», видимо, внутренне соглашаясь с таким подходом [17, л. 41об.]. В то же время житель деревни Власово Ржевского района, прослушав по радио овацию в честь Сталина за оказание им населению Западной Украины братской помощи, в

присутствии нескольких человек сказал: «...стоит ли Сталину аплодировать, приехали бы к нам и посмотрели, как живут в колхозах и голодают» [10, л. 48]. Факт присоединения этих районов вызвал у некоторых сомнения, сводившиеся к вопросу, не стали ли СССР на путь агрессии [14, л. 10об.].

Содержание советской внешней политики на протяжении рассматриваемого периода оценивалось населением весьма неоднозначно, особенно это касалось отношений с Германией. Из характера звучавших на собраниях вопросов видно, что не все доверяли партнеру по договору в 1939 г. Присутствующие уточняли, не может ли немецкая сторона нарушить договор, а также почему границу с Германией установили не по Висле [10, л. 14–15]. Выше уже отмечалось, что руководителей государства не только упрекали в недальновидной политике, но и подозревали в откровенном предательстве интересов СССР в условиях надвигавшейся войны. В 1939 г. на фоне резкого поворота в отношениях с Германией, а также проблем с продовольствием внутри страны сомнения в правильности внешнеполитического курса участились. В среде рабочих выражалось недовольство тем, что «от нас из СССР все продукты идут за границу в Германию и Китай, а поэтому и получается, что нам самим есть нечего», «мы им хлеб, они нам сапожные гвозди и медную проволоку» [13, л. 15, 22].

В мае 1941 г. ожидание обмана со стороны Германии усилилось, одновременно нарастала критика действий власти: «собираем вот средства от распространения билетов лотереи Осоавиахима и займа для укрепления обороны страны, а сами в то же время сплавляем все в Германию, она нам голову наломает, не зря высадили свои войска в Финляндии» [13, л. 16]. Характерно, что в целом представители старшего поколения с меньшим доверием относились к пропагандируемой в СССР идее будущей войны «малой кровью на чужой территории», и не особенно рассчитывали на помощь международного пролетариата по сравнению с молодежью.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает присутствие в спектре общественных настроений жителей Калининской области накануне Великой Отечественной войны и негативных. Представляется, что они существовали во всех социальных слоях и выражались в неодобрении установившихся социальных отношений, проводившейся внутри страны экономической и внешней политикой правительства. Вскоре после начала войны, когда западные районы области оказались занятыми врагом, а над остальными нависла угроза оккупации, критика в адрес советской власти зазвучала более открыто. Носители негативных настроений чаще проявляли их, высказывая надежду на улучшение условий жизни при новом немецком режиме.

Библиографический список

1. Гречухин, П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук / П.Б. Гречухин. – Саратов, 1997.
2. Небезин, В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. / В.А. Небезин. – М., 1997.
3. Небезин, В.А. «Если завтра в поход...» Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах / В.А. Небезин. – М., 2007.
4. Осокина, Е.А. Кризис снабжения 1939–1941 гг. в письмах советских людей / Е.А. Осокина // Вопросы истории. – 1996. – №1.
5. Голубев, А.В. «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен». К вопросу о закрытости межвоенного советского общества / А.В. Голубев // Отечественная история. – 2004. – №4.
6. Голубев, А.В. «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х годов / А.В. Голубев // Отечественная история. – 2008. – №5.

7. Дружба, О.В. Великая Отечественная война в историческом сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом : дис. ... д-ра ист. наук / О.В. Дружба. – Ростов-на-Дону, 2000.
8. Моисеева, И.Ю. Социально-психологический портрет фронтовика Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук / И.Ю. Моисеева. – Сыктывкар, 2006.
9. География Тверской области / сост. и отв. ред. А.А. Ткаченко. – Тверь, 1992.
10. Тверской Центр документации новой и новейшей истории (далее – ТЦДНИ). – Ф. 223. – Оп. 1. – Д. 103.
11. ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 26844-с.
12. ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 27853-с.
13. ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 16055-с.
14. ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 27548-с.
15. ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 31206-с.
16. ТЦДНИ. – Ф. 7849. – Д. 31016-с.
17. Государственный архив Тверской области. – Ф. 570. – Оп. 2. – Д. 145.